



А. М. БОБКОВ

К ИСТОРИИ РАСКОЛА СОЮЗА ОТВЕРЖЕННЫХ В 1836—1837 ГОДАХ

В 1885 г. Энгельс опубликовал в газете «Der Sozialdemokrat» статью «К истории Союза коммунистов», в которой обратил внимание германской и международной социал-демократии на необходимость осветить «славный период юности международного рабочего движения» — период, связанный с деятельностью Союза справедливых и Союза коммунистов.

Свое изложение истории ближайшего предшественника Союза коммунистов, Союза справедливых, Энгельс, естественно, начал с Союза отверженных (Bund der Geächteten), поскольку именно из этой, основанной в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже тайной демократическо-республиканской организации «выделились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские, элементы и образовали новый тайный союз — *Союз справедливых*»¹.

В рамках этой своей статьи, представлявшей введение к новому изданию труда К. Маркса «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов», Энгельс не имел возможности подробно осветить историю возникновения Союза справедливых и должен был ограничиться приведенным выше кратким замечанием. Энгельс выразил надежду, что ему удастся в будущем более обстоятельно обработать собранный им и Марксом богатый материал по истории Союза справедливых и Союза коммунистов. Однако другие работы помешали Энгельсу осуществить это намерение.

За истекшие с тех пор десятилетия найден и опубликован ряд важных источников, появилось несколько ценных исследований, статей и монографий по истории демократического и коммунистического движения в 30—40-х гг. XIX в. Среди них работы советских историков Е. А. Степановой и Е. П. Канделя, С. Б. Кана², а также авторов коллективного труда «Революции 1848—1849»³. Более специально истории Союза отверженных и Союза справедливых касается в своей диссертации Е. П. Кандель⁴. В его работе дана критика некоторых ошибочных концепций истории этих организаций, правильно характеризуются воззрения одного из руководящих деятелей Союза отверженных — Теодора Шустера, верно освещены причины раскола Союза отверженных и основные этапы развития Союза справедливых. К сожалению, в вышедшей позднее книге того же автора⁵ дана лишь общая характеристика Союза отверженных и роли в нем Шустера, а конкретный анализ материалов по истории этой организации опущен.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1955, стр. 321.

² Е. А. Степанова. Фридрих Энгельс. М., 1956; Е. А. Степанова, Е. П. Кандель. Из истории идейной борьбы в немецком демократическом движении 40-х годов XIX в. — «Вопросы истории», 1955, № 8; С. Б. Кан. Революция 1848 г. в Австрии и Германии. М., 1948.

³ «Революции 1848—1849», под ред. проф. Ф. В. Потемкина и проф. А. И. Молока, ч. I. М., 1952, стр. 61—62.

⁴ Е. П. Кандель. Борьба Маркса и Энгельса за создание коммунистической партии пролетариата перед революцией 1848 года (рукопись диссертации). ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), 1948.

⁵ Е. Кандель. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953, стр. 40—45.

Немецкое демократическое движение 30-х годов XIX в. получило освещение в работах таких не принадлежащих к пролетарскому лагерю авторов, как Л. Ф. Ильзе, А. Штерн, К. Глосси, Зильбернагель⁶. Некоторые из этих работ ценны содержащимися в них источниками и отдельными верными наблюдениями. Так, Л. Ф. Ильзе приводит в своей книге судебно-следственные материалы о Союзе отверженных и Союзе справедливых. Эти материалы, в частности, проливают свет и на деятельность Т. Шустера в Союзе отверженных. Известный шаг вперед в исследовании истории этих ранних демократических организаций сделал историк буржуазно-демократического направления А. Штерн. Заслугой Штерна является привлечение некоторых новых материалов, характеризующих роль Шустера в Союзе отверженных и его тайные связи с представителями австрийского правительства в Париже в 1846—1847 гг.⁷ Это дает возможность понять некоторые намеки в высказываниях отдельных современников (например, В. Вейтлинга, М. Гесса⁸), не доверявших Шустеру. Однако, несмотря на ряд достоинств статьи, все же при характеристике идейных разногласий в Союзе отверженных Штерн допускает односторонние и неправильные утверждения о роли Шустера в Союзе и о причинах раскола Союза, сводя все исключительно к разногласиям между Шустером и Венедеем.

К. Глосси опубликовал в своей книге такой источник, отображающий деятельность Шустера в Союзе отверженных, как донесения тайных агентов. Эти документы дополняют упомянутые выше судебно-следственные материалы, опубликованные Л. Ф. Ильзе. Они свидетельствуют о совместной деятельности Шустера и Венедеев в Союзе отверженных после его раскола, об отказе Шустера от идеи ассоциации и т. д. Однако работы этих авторов изобилуют искажениями и не дают правильного освещения истории Союза отверженных.

Что касается книги Вермута и Штибера⁹, которой приходится пользоваться, поскольку в ней воспроизведены тексты некоторых не дошедших до нас документов коммунистического движения того периода, то это, по меткому определению Ф. Энгельса, «лживая, переполненная сознательными подлогами стриптиз двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия»¹⁰.

По истории немецкого демократического движения 30-х годов XIX в. вышел в свет ряд других трудов таких исследователей, как Г. Адлер, Ш. Андлер и др.¹¹ Однако в указанных работах история раннего демократического движения и организаций, возникших в ходе этого движения, освещена неправильно и тенденциозно. В частности, искажено и тенденциозно изображены деятельность Союза отверженных, роль в нем отдельных лиц и причины, приведшие к его расколу.

Буржуазная историография совершенно незаслуженно возвеличивает личность и роль Т. Шустера, который впоследствии, в 1847 г., вступил в связь с полицейскими властями нескольких немецких государств. Его изображают коммунистом, представителем рабочего крыла и инициатором раскола в Союзе отверженных, что, как будет показано ниже, является в корне неправильным и не соответствует действительности. Совершенно обходится вопрос о борьбе между рядовыми членами Союза — рабо-

⁶ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen. Frankfurt a/M., 1860; A. Stern. Theodor Schuster als angeblicher politischer Geheimgent (April 1847). Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen und französischen Geheimbünde in Paris.— «Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung», Bd. III. Heidelberg, 1912, S. 228—239; K. Glossy. Literarische Geheimberichte aus dem Vormärz. Wien, 1913; Silbernagel. Die geheimen politischen Verbindungen der Deutschen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts.— «Historisches Jahrbuch», Bd. XIV. München, 1893.

⁷ A. Stern. Theodor Schuster..., S. 228—239.

⁸ W. Weitling. Garantien der Harmonie und Freiheit. Hamburg, 1849, S. X; M. Hess. Sozialistische Aufsätze 1841—1847. Berlin, 1921, S. 122—123.

⁹ Wermuth, Stieber. Die kommunistischen Verschwörungen des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1853—1854.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 320.

¹¹ G. Adler. Die Geschichte der ersten sozialistischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Breslau, 1885; Ch. Adler. Le Manifeste communiste. Paris, 1901 (русский перевод: Ш. Андлер. Коммунистический манифест. Историческое введение и комментарий к нему. СПб, 1906).

чими и ремесленными подмастерьями — и мелкобуржуазным руководством Союза, приведшей в конечном итоге к его расколу. Так, например, буржуазный историк консервативно-шовинистического направления Г. Трейчке не только неправильно освещает деятельность Союза отверженных и Союза справедливых, но и допускает путаницу в элементарных исторических фактах и датах. Он, например, утверждает, что К. Шаппер в 1836 г., после высылки его из Швейцарии за участие в деятельности «Молодой Германии», уехал в Лондон и организовал там радикальный рабочий союз, который явился рассадником (Brutnest) социал-демократии¹². Однако хорошо известно, что в 1836 г. Шаппер из Швейцарии прибыл в Париж, а не в Лондон. В Париже он являлся одним из видных деятелей Союза справедливых. Шаппер принимал активное участие в восстании общества «Времена года» 12 мая 1839 г., за что был арестован, и только в конце 1839 г. был выслан из Франции и уехал в Лондон, где вскоре был создан филиал Союза справедливых.

Буржуазный катедер-социалист Г. Адлер поверхностно и путанно излагает деятельность Союза отверженных и совершенно обходит вопрос о борьбе течений в Союзе и о причинах его раскола. При изложении взглядов Шустера Адлер пытается установить прямую связь между воззрениями Шустера и научным коммунизмом, противопоставляя последнему свой реформистский катедер-социализм¹³.

Для французского исследователя катедер-социалистического толка Шарля Андлера характерна переоценка зрелости взглядов Шустера и его роли в Союзе отверженных. В своем стремлении принизить марксизм, «доказать» его «неоригинальность» Адлер договорился до того, что охарактеризовал воззрения Шустера как «весьма родственные учению К. Маркса», а теорию Шустера назвал «как бы черновым наброском марксизма»¹⁴. В освещении же истории Союза отверженных и Союза справедливых Адлер следует за немецкой буржуазной историографией. Абсурдность подобных концепций в освещении истории этих организаций обнаруживается с исчерпывающей полнотой, если сопоставить их с судебно-следственными материалами по Союзу отверженных и по Союзу справедливых, приведенными в книге Л. Ф. Ильзе. Эти материалы показывают деятельность Шустера в Союзе отверженных в совершенно ином свете.

История Союза отверженных нашла свое отражение и в работах таких социал-демократических историков, как Г. Шмидт, К. Фелинг, Ф. Брюгель¹⁵. В их работах мы также находим спорные и ошибочные положения. Так, Г. Шмидт, занимавшийся историей немецкой политической эмиграции и деятельностью рабочих союзов в Швейцарии и во Франции, в указанной выше статье попытался на основе анализа одного лишь — хотя и весьма важного — источника, журнала «Der Geächtete», осветить всю деятельность Союза отверженных, внутреннюю идейную борьбу в нем и даже выяснить роль Шустера как руководителя Союза. Вне внимания автора остались крайне важные источники по истории Союза, как, например, судебно-следственные материалы о членах Союза отверженных. Не удивительно, что это привело Г. Шмидта к неправильным выводам о социальных и политических взглядах Шустера, к изображению его в качестве представителя рабочего крыла Союза.

Такую же ошибку, к сожалению, допустил и виднейший историк немецкого рабочего движения Ф. Меринг. Говоря о причинах раскола Союза отверженных, Меринг ошибочно утверждал, что Шустеру надоела бесполезная игра в революцию и он со своими сторонниками вышел из Союза отверженных и основал новое общество — Союз справедливых¹⁶. Имеющиеся материалы по данному вопросу, которые, очевид-

¹² H. Treitschke. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert, Bd. 4, Leipzig, 1897, S. 607.

¹³ G. Adler. Die Geschichte der ersten sozialistischen Arbeiterbewegung..., S. 331.

¹⁴ Ш. Адлер. Коммунистический манифест..., стр. 71.

¹⁵ H. Schmidt. Ein Beitrag zur Geschichte des Bundes der Geächteten — «Neue Zeit», Jhrg. 16, T. I. Stuttgart, 1899; его же. Die deutschen Flüchtlinge in der Schweiz und die erste deutsche Arbeiterbewegung 1833—1836. Zürich, 1899; K. Fehling. Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution von 1848. Rostock, 1922; F. Brügel. Aus den Anfängen der deutschen sozialistischen Presse. Wien, 1929.

¹⁶ F. Mehring. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Bd. I. Berlin — Stuttgart, 1922 (русский перевод: Ф. Меринг. История германской социал-демократии, т. I. М., 1923, стр. 94).

но, не были известны Мерингу, свидетельствуют, как будет показано ниже, о том, что Шустер не являлся представителем рабочего крыла Союза и не был инициатором раскола в 1836 г., а, наоборот, оставался бессменным руководителем Союза до 1840 г.

Кроме того, необходимо иметь в виду и некоторые моменты из позднейшей политической биографии Шустера. Так, в 1842 г. Шустер при весьма загадочных обстоятельствах отошел от политической жизни, мотивируя этот шаг желанием целиком посвятить себя врачебной практике. В. Вейтлинг, являвшийся членом Союза отверженных и тесно соприкасавшийся с его руководителями, в предисловии к 3-му изданию «*Garantien der Harmonie und Freiheit*» в 1849 г., характеризуя Шустера, высказал предположение, что те же самые приверженцы, которые раньше возвысили Шустера, впоследствии усомнились в его политической честности и пригвоздили его к позорному столбу. Вейтлинг писал: «Свобода и равенство были боевым лозунгом первой Французской республики. Свобода, равенство и справедливость были также после 1830 г. боевым лозунгом немногочисленных республиканцев среди немцев в Париже. Однако, какая свобода, какое равенство и как их определить? Какая часть будет принадлежать каждому в ней и как ее измерить? Относительно этого не поднимались выше требования прогрессивного налога. Начавший выходить ежемесячно и выходивший до 1835 г. в Париже замечательный журнал «*Der Geäch-tete*», издававшийся на деньги примерно 200 немецких рабочих, дает обзор наиболее радикального политического направления среди тогдашних немецких республиканцев. В нем излагали свои мысли Венедей, Мойер и доктор Шустер, статья которого «Мысли республиканца» идет дальше всех и с наибольшей четкостью передает цель движения. Эти республиканские мысли были последними политическими мыслями доктора Шустера. Мы предполагаем, что он с того времени отошел от политической деятельности. Возможно также, что он в узком кругу единомышленников нашел свой Элеон и свою Голгофу»¹⁷.

В 1912 г. историк Альфред Штерн, работая над материалами Венского государственного тайного архива, обнаружил в переписке графа Иозефа Александра фон Гюбнера с Меттернихом письмо от 1847 г., в котором Гюбнер сообщал, что его посетил доктор Теодор Шустер из Гёттингена и предложил ему свои услуги, изъявив готовность регулярно информировать Гюбнера о деятельности немецких политических эмигрантов в Париже¹⁸. В 1929 г. директор Венской научной библиотеки Фридрих Брюгель опубликовал новый документ, свидетельствующий о предательстве Шустера. Это доклад ганноверского министра-резидента в Париже фон Штокгаузена, который сообщает, что Шустер обещал регулярно информировать его о революционной деятельности в Польше и Италии. Брюгель приходит к выводу, что Шустер служил тайным осведомителем трех государств: «Во всяком случае, установлено, что Шустер имел связь в Париже с ганноверским министром-резидентом фон Штокгаузеном, затем с гессенским министром-резидентом фон Дрохенфельсом и, наконец, с австрийским дипломатом графом фон Гюбнером»¹⁹.

Об этом также сообщалось в немецкой социал-демократической газете «*Der Abend*» (вечернее издание газеты «*Vorwärts*» от 19.XI.1929 г.) в статье «Предшественники социализма», представляющей собой рецензию на названную выше книгу Ф. Брюгеля. Автор статьи Г. Вендель называет Шустера «наиболее интересным и политически наиболее важным явлением до Вильгельма Вейтлинга и Карла Маркса». В то же время он подчеркивает, что биография Шустера неясна и что в 1846—1847 гг. тот, как можно предполагать, находился в связи с ганноверским и гессенским посланцами в Париже и с австрийским дипломатом графом Гюбнером и, по-видимому, «отрекся, как ренегат, от своего лучшего прошлого»²⁰.

Внезапный отход Шустера от политической деятельности, намеки В. Вейтлинга и приведенные выше документы дают все основания предполагать, что Шустер стал предателем.

В свете этих фактов со всей полнотой раскрывается ошибочность взглядов Г. Шмидта, Ш. Андлера и Ф. Меринга, считавших Шустера предшественником марк-

¹⁷ W. Weitling. *Garantien der Harmonie und Freiheit*, S. X.

¹⁸ A. Stern. *Theodor Schuster...*, S. 228—239.

¹⁹ F. Brügel. *Aus den Anfängen...*, S. 50—51.

²⁰ «*Der Abend*», 19.XI.1929.

сизма и организатором Союза справедливых. Заблуждения этих авторов можно в известной мере оправдать тем, что в их распоряжении было еще мало документальных материалов, в частности свидетельствующих о последующем ренегатстве и предательстве Шустера. Однако крайне досадно, что ряд современных историков продолжает цепляться за устаревшую схему, изображающую Шустера предшественником марксизма и представителем пролетарского крыла в раннем немецком социалистическом и демократическом движении.

К. Фелинг в своей работе придерживается по вопросу о роли Шустера в расколе Союза отверженных совершенно противоположной точки зрения, чем Ш. Андлер, Г. Шмидт и другие. Однако он допускает серьезную ошибку, считая, что причиной раскола Союза отверженных было исключительно иерархическое построение этой организации. По нашему мнению, он недооценивает социальные и идейные разногласия, которые имелись между мелкобуржуазным руководством и полупролетарским ядром рядовых членов Союза, тяготевшим к французскому утопическому коммунизму. Кроме того, Фелинг явно переоценивает зрелость Союза справедливых, когда он, противореча Энгельсу, утверждает, будто после принятия Союзом нового устава в 1838 г. Союз справедливых полностью отказался от заговорщичества и сектантства. Известно, что Союз справедливых, приняв с самого начала более демократическое построение организации, чем в Союзе отверженных (выборность руководящих органов на определенный срок, право отзыва в любое время представителей, не оправдавших доверия его членов, и т. д.), все же не мог полностью освободиться от заговорщических методов. Прием в члены Союза обставлялся таинственными церемониями, произнесением торжественной клятвы. Каждая община Союза имела свое особое название и специальный опознавательный знак, которые были известны только его руководству. Живучести многих пережитков заговорщической тактики в Союзе справедливых способствовало то, что он был тесно связан с французским тайным бланкистским обществом «Времена года», где заговорщические традиции были особенно сильны.

Таким образом, сделанный нами краткий историографический обзор литературы показывает, что история раннего демократического и социалистического движения в 30-х годах в Германии еще нуждается в серьезном марксистском исследовании.

Между тем за последние годы история раннего демократического и социалистического движения в Германии не нашла должного отражения в нашей исторической литературе. В результате некоторые важные вопросы этого движения недостаточно исследованы или не получили правильного разрешения. Назрела необходимость более подробно и правильно осветить историю и деятельность Союза отверженных и Союза справедливых, ибо, пожалуй, ни по одному другому вопросу из истории раннего демократического и социалистического движения в Германии нет такой путаницы и искажений, как в литературе по истории этих двух организаций. В настоящей статье мы хотим ограничиться освещением некоторых спорных вопросов истории Союза отверженных, связанных с происходившей в нем идейной борьбой и его расколом.



Одной из главных проблем истории Союза отверженных является определение его социального состава, так как правильная постановка данного вопроса в значительной мере объясняет действительные причины последующего раскола в Союзе. Известно, что Союз отверженных возник среди немецких эмигрантов в Париже. Но что собой представляла немецкая эмиграция в Париже? Некоторые немецкие историки предполагают, что количество политических эмигрантов в Париже после июльской революции 1830 г. превышало 13 тыс. человек²¹. Преобладающее большинство среди них составляли немцы. Большинство немецких политических эмигрантов по своему социальному составу принадлежало к буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, к так называемым свободным профессиям (журналисты, адвокаты, врачи и др.). Но, помимо них, в Париже проживало значительное число немецких

²¹ См., например, Н. Treitschke. Deutsche Geschichte..., S. 606.

ремесленных подмастерьев — портных, сапожников, печатников, слесарей, столяров и т. п. Наиболее революционные элементы из их среды вступали в созданные немецкими политическими эмигрантами организации. Если руководство этих организаций состояло из буржуазных и мелкобуржуазных деятелей, то основную массу членов организаций составляли немецкие ремесленные подмастерья. Естественно, что на определенном этапе интересы этих двух социально различных групп должны были прийти в столкновение. Это можно проследить в известной мере на развитии Немецкого народного союза, но в большей степени — на истории Союза отверженных.

Для уяснения идеологических и политических тенденций в развитии Союза отверженных необходимо иметь в виду, что Союз отверженных являлся прямым продолжением существовавшего до него Немецкого народного союза, который возник в Париже в 1832 г. Как по своему социальному составу, так и по политическому направлению Немецкий народный союз отличался крайней неоднородностью: наряду с отдельными представителями либеральной и радикальной буржуазии здесь были широко представлены мелкобуржуазные республиканцы и находившиеся под их влиянием подмастерья-полупролетарии. Крупную роль в руководстве Союза играл Людвиг Берне.

Немецкий народный союз был тесно связан с существовавшим тогда французским Обществом прав человека и гражданина, деятельность которого в основном развивалась в республиканском направлении²². Союз выпустил три листовки, которые его эмиссары должны были распространить в Германии. В первой листовке, от 5 сентября 1833 г., озаглавленной «Немцы», распорядительный комитет Немецкого народного союза обратился ко всем немцам с призывом оказать материальную помощь соотечественникам, изгнанным из пределов своей родины и терпящим большие лишения. В заключение немецкие князья изобличались как враги и предатели народа²³.

Развиваясь под непосредственным воздействием политической обстановки во Франции первой половины 30-х годов XIX в., когда происходил рост республиканского движения, и все больше подпадая под влияние республиканских идей, пропагандируемых Обществом прав человека и гражданина, Немецкий народный союз приобрел ярко выраженный республиканский характер, а либерально-буржуазные элементы в нем отеснялись на задний план. Кроме того, в Союзе стали, правда, еще робко, раздаваться голоса социального протеста.

Хотя деятельность Немецкого народного союза в основном продолжала развиваться по линии политической борьбы, руководство Союза не могло не считаться с тем, что значительная часть его членов состояла из ремесленных подмастерьев, которых уже не удовлетворяли одни лишь политические требования. Этим следует объяснить, почему руководство Союза стало выдвигать и социальные требования, правда еще в крайне расплывчатой и неопределенной форме. Идеями социального протеста проникнуты были два воззвания, выпущенные Союзом в ноябре 1833 г. и январе 1834 г. Обрушиваясь на богатых, которые беспощадно эксплуатируют трудящихся, авторы воззвания призывали всех ремесленных подмастерьев, фабричных рабочих и крестьян бороться против этого зла и создать такие условия, при которых в обществе исчезло бы деление на богатых и бедных²⁴.

Немецкий народный союз насчитывал в своих рядах около 600 человек²⁵. Прием новых членов в Союз не был связан с какими-либо особыми затруднениями. Рекомендующий вносил на общем собрании низовой организации предложение о приеме и, в случае согласия собрания с предлагаемой кандидатурой, вступающий приглашался на общее собрание, где и принимался в члены Союза²⁶.

Свидетельством укрепления республиканского направления в руководстве Сою-

²² W. Koppen. Jakob Venedey. Ein Beitrag zur Geschichte des demokratischen Gedanken in Deutschland. Frankfurt a/M., 1927, S. 35.

²³ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 450.

²⁴ Ibid., S. 451.

²⁵ W. Koppen. Jakob Venedey, S. 35; L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 452.

²⁶ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 449—450.

за является избрание в ноябре 1833 г. в его Распорядительный комитет Я. Венедей и Т. Шустера. Якоб Венедей — уроженец Кёльна, некоторое время вел пропаганду в Марбурге, Касселе и других городах, затем переехал в Мангейм, где стал редактором газеты «Wächter am Rhein». Вскоре Венедей был арестован по требованию кёльнских властей за участие в Гамбахском празднике 1832 г. Весной 1833 г. Венедее удалось бежать с помощью Иоганна-Филиппа Беккера из-под ареста в тот момент, когда баденские власти собирались передать его в руки прусской полиции²⁷, затем он перебрался во Францию. Некоторое время Венедей жил в Страсбурге и Нанси, затем переехал в Париж. Там он примкнул к Немецкому народному союзу. Теодор Шустер был приват-доцентом юридических наук Гёттингенского университета. Спасаясь от преследований за участие в вооруженном выступлении в Гёттингене 8 января 1831 г., он бежал из Германии во Францию, начал изучать медицину и позднее получил врачебную практику в немецких эмигрантских кругах. В Париже Шустер примкнул к Немецкому народному союзу.

Вскоре Союз стал налаживать работу также в Германии, завязал регулярную переписку с членами Союза в отдельных городах Германии, прежде всего в Майнце и Франкфурте-на-Майне. Уже в силу этого Союзу приходилось приспосабливаться к нелегальным условиям. Однако для перехода Союза к методам нелегальной работы существовали и более серьезные причины. Многие члены Союза участвовали в неудачном восстании 13 апреля 1834 г., организованном французским республиканским Обществом прав человека и гражданина. Восстание окончилось поражением республиканцев. Изданные в результате апрельских событий 1834 г. законы против союзов сделали невозможным легальное существование Немецкого народного союза. Эти события заставили деятелей Союза целиком перестроить работу организации, превратив ее из открытого общества в глубоко законспирированное тайное объединение. Наиболее умеренная часть членов Союза отошла от движения, более активные члены его продолжали работу нелегально, организовав вскоре новое тайное общество — Союз отверженных.

Таким образом, развитие Немецкого народного союза обусловило то обстоятельство, что выросшая из него новая организация — Союз отверженных — конституировалась как объединение с ярко выраженной республиканской программой. Легальные же формы работы, характерные для Немецкого народного союза, были теперь совершенно отброшены. Союз отверженных развивался под влиянием французских тайных республиканских организаций.

Под воздействием этих идей руководители новой организации Венедей и Шустер (последний был раньше связан с деятелями карбонарских обществ) толкали новый Союз на путь тех же заговорщических методов борьбы²⁸. Будучи мелкобуржуазными республиканцами-заговорщиками, они предполагали добиться своих целей не путем массовой политической борьбы, а посредством внезапного переворота, осуществленного строго законспирированными группами революционеров. Этим идеям соответствовали и формы организации нового Союза в том виде, как они были определены его уставом, разработанным в 1834 г. Как показывает последующая история Союза отверженных, вопрос о характере его структуры явился одним из важнейших вопросов внутренней борьбы и в конечном счете одной из причин его раскола.

Строение Союза отверженных, как и следовало ожидать, напоминало иерархическую структуру французских и итальянских тайных обществ. Союз был строго законспирирован. В члены Союза принимались только мужчины; он требовал безусловного повиновения низших организаций высшим, беспрекословного подчинения воле законспирированных главарей, которых рядовые члены организации даже не знали. Таким образом, руководство Союза было наделено диктаторской властью.

Союз отверженных делился на 4 ступени: «палатки», «лагери», «окружные лагери» и «Главный очаг». Для «палаток» был выработан специальный устав под названием «Общий устав Союза отверженных». В этом уставе нет указаний на су-

²⁷ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 185, ед. хр. 3.

²⁸ K. Glossy. Literarische Geheimberichte aus dem Vormärz, T. I. Wien, 1913, S. 88—89.

ществование «лагерей», в нем говорится лишь о «палатках» и «Главном очаге»; в уставе же для «лагерей» указано, что «палатки» находятся в непосредственном подчинении «лагеря» (§ 4 и 12)²⁹. Таким образом, в Союзе отверженных существовали два устава: один для низшей ступени — «Общий устав Союза отверженных» и другой для «лагерей» — «Устав Союза отверженных». Следовательно, и здесь имело место неравенство: не все члены Союза пользовались одинаковыми правами; его низшие ячейки — «палатки», состоявшие преимущественно из ремесленных подмастерьев, не могли в какой-либо мере определять политическое и организационное направление организации. Это и послужило одной из причин серьезной борьбы, разгоревшейся в ней между низами, объединенными в «палатках», и руководящими звеньями Союза отверженных, представленными преимущественно мелкобуржуазными элементами.

Наиболее ярко сказывалось влияние французских заговорщических обществ в тех пунктах устава, которые определяли условия приема в Союз. Прием в члены «палатки» был обставлен церемониалом: вступающего приводили ночью с завязанными глазами на собрание «палатки», где он произносил следующую клятву: «Клянусь своей честью хранить тайну о существовании Союза, быть преданным, готовым к любым жертвам для достижения намеченных целей. И пусть меня встретят бесчестье и смерть, если я нарушу свою клятву» (§ 37—39).

Каждая «палатка» имела свое условное название. «Палаткам» было запрещено общаться между собой. Члены «палатки» в целях конспирации выбирали себе специальные клички, под которыми только и были известны. Для членов Союза были установлены специальные опознавательные знаки, которые служили им для связи с местными членами организации и в случае переезда.

Устав предусматривал регулярный созыв общих собраний членов «палатки» через каждые 8—14 дней (§ 21). Обычно эти собрания проводились по понедельникам, вечером, после работы. На собраниях обсуждались политические вопросы, главным образом о будущем строе Германии, читались брошюры и журналы, принимались новые члены.

Но если в «палатках» еще до некоторой степени сохранялось демократическое строение и существовала, например, выборность руководителей на шесть месяцев, то в высших звеньях этот демократизм уступал место иерархической субординации.

Высшим органом Союза был «Главный очаг», все распоряжения которого должны были выполняться членами Союза безоговорочно. Члены «Главного очага» не выбирались, а назначались им самим. Место его пребывания и его состав оставались в строгой тайне для всех членов Союза (§ 39—46). Исключение членов Союза из «палатки» производилось только «Главным очагом».

Как показал последующий опыт, эти заговорщические методы деятельности Союза, его иерархическое построение, неограниченная диктаторская власть руководящего центра — все это находилось в глубоком противоречии с условиями жизни немецких ремесленных подмастерьев, резко ограничивало демократические права рядовых членов организации и противоречило содержанию работы Союза, пропаганде республиканских идей, воспитанию членов объединения в демократическом духе.

Другой и притом основной причиной внутренней борьбы в Союзе, а следовательно, и его раскола были теоретические расхождения между пролетарскими и полупролетарскими элементами, тяготевшими к уравнительному коммунизму, с одной стороны, и мелкобуржуазным руководством Союза в лице Шустера и Венедея — с другой. В начале своего существования Союз отверженных целиком развивался под идейным влиянием Людвиг Берне, у которого идеи мелкобуржуазного демократизма перемешивались с отдельными положениями, почерпнутыми у христианского социалиста Ламенне.

Теоретические позиции Союза, который в целом развивался в буржуазно-демократическом направлении, были, как и в «Молодой Германии»³⁰, крайне неопреде-

²⁹ Полный текст устава см.: L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 565—579.

³⁰ Об этой организации см. А. М. Бобков. «Молодая Германия». — «Вопросы истории», 1954, № 12.

ленны. Красноречивым подтверждением этого является расплывчатая формулировка конечных целей Союза отверженных, данная в его уставе (§ 2). «Целью Союза отверженных,— говорится в уставе,— является освобождение Германии от ига позорного рабства и создание такого состояния, которое бы, насколько вообще возможно человеческое предвидение, мешало возвращению к рабству. Достижение этой главной цели возможно только при установлении и сохранении социального и политического равенства, свободы, гражданской добродетели и народного единства первоначально в тех странах, где господствуют немецкий язык и обычаи, впоследствии же и у всех остальных народов земного шара»³¹.

В 1834 г. Союз отверженных выпустил две листовки: «Символ веры отверженного» и «Воззвание отверженного ко всем немцам — друзьям народа». Эти листовки по своему стилю и содержанию мало чем отличались от листовки, одновременно выпущенной «Молодой Германией». В них объявлялась война князьям, как главным виновникам политических и социальных бедствий немецкого народа, и отстаивалась идея необходимости установления демократической республики. Правда, в листовках освещалось бедственное положение трудящихся масс, которые в поте лица своего создают огромные богатства, однако предлагавшиеся в этих листовках практические мероприятия носили еще крайне неопределенный характер³².

Листовки, выпущенные Союзом отверженных, показывают, что эта организация отличалась ярко выраженным республиканским характером. Союз объявлял беспощадную борьбу князьям и ставил перед собой задачу создания Германской республики; однако социальные вопросы нашли в них лишь весьма слабое выражение.

Кроме указанных листовок, Союз отверженных перевел на немецкий язык якобинскую «Декларацию прав человека и гражданина» 1793 г. Все эти документы были затем направлены в Германию с целью ознакомления вновь принимаемых членов с основными принципами Союза.

Союз стал налаживать свою работу и в самой Германии, используя для этого странствующих ремесленных подмастерьев — членов организации. В ряде крупных немецких городов — Ганновере, Бремене, Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Майнце и других — были организованы «палатки» и «лагери»³³. Организованные в Германии «лагери» и «палатки» Союза не ограничивались распространением получаемой из Парижа агитационной литературы, но и печатали листовки и брошюры на местах³⁴.

Создание «палаток» и «лагерей» в Германии скоро поставило перед парижским руководством Союза задачу регулярного снабжения своих отделений необходимым пропагандистским материалом. Для этой цели было решено издавать ежемесячный печатный орган Союза — журнал «Der Geächtete». Он стал выходить с конца июня 1834 г. под редакцией Венедее, которым написаны многие передовые статьи. Деятельное участие в журнале принимал и Л. Берне, сотрудничал в нем также Т. Шустер. Наличие периодического печатного органа дало возможность проявиться теоретическим разногласиям, которые наметились в Союзе, в первую очередь между его руководителями Венедеем и Шустером.

* * *

Характер разногласий между Венедеем и Шустером в развернувшейся на страницах журнала «Der Geächtete» дискуссии является одним из спорных вопросов в литературе по истории Союза отверженных. Некоторые исследователи (Ш. Андлер, Ф. Меринг, П. Берлин и др.) считали, что эти разногласия и послужили главной и едва ли не единственной причиной раскола Союза. Поэтому рассмотрим более подробно социальные и политические взгляды Венедее и Шустера.

³¹ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 571.

³² «Aufruf eines Geächteten an die deutschen Volksfreunde». Paris, 1834, S. 6.

³³ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 461, 475, 481; Silber-nagel. Die geheimen politischen Verbindungen..., S. 808.

³⁴ Так, например, о выпуске нелегальных листовок членами франкфуртского «лагеря» см. L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 511.

В вопросах внешней политики Германии, ее национальной политики по отношению к поработанным ею народам Венедей занимал революционную позицию. В передовой статье «Большая национальная вина Германии» и в других своих статьях он выступил против внешней политики германских государств и доказывал, что на протяжении целых столетий Германия играла по отношению к освободительному движению других народов роль душителя³⁵.

Венедей с самого начала издания журнала «Der Geächtete» выступал с радикальными требованиями, резко нападал на князей, призывал к борьбе за установление республики. В своих передовых статьях Венедей обрушивался на произвол и мотовство князей и их приспешников, обвиняя их в том, что они являются виновниками ужасной нищеты народа³⁶. Венедей утверждал, что в Германии из 30 млн. населения 29 млн. являются рабами, которых угнетают князья и чиновники. «Целый народ, смелый и культурный народ, в рабских оковах!»³⁷. Венедей предупреждал князей и их министров о том, что час расплаты близок и придет время, когда тираны будут сметены с лица земли³⁸.

Однако, несмотря на энергичные выражения и многочисленные угрозы по адресу князей и их прислужников, на которые Венедей не скупился, его социальная программа оставалась весьма неопределенной. Выступая в защиту бедноты, он не видел еще складывающегося пролетариата и не сумел подметить начавший уже обозначаться классовый антагонизм между рабочими и буржуазией³⁹. Главная задача, подчеркивал Венедей,— это свергнуть гнет князей и создать новое, свободное государство, которое занялось бы установлением всеобщего благополучия и всеобщего равенства.

Неустанно призывая к установлению равенства, Венедей, как мелкобуржуазный демократ, не мог в то же время подняться до призыва отменить частную собственность на средства производства, хотя только ее ликвидация является единственным средством уничтожения нищеты и бедствий трудящихся масс. Более того, он считал необходимым успокоить собственников, боявшихся того, что революционеры отберут их имущество, словами христианского социалиста Ламенне: «Каждый вправе сохранять за собой то, что он имеет, иначе никто не стремился бы владеть чем-либо.. каждый вправе приобретать трудом то, чего он не имеет, иначе бедность была бы вечной»⁴⁰.

В своей программе социальных преобразований Венедей возлагал большие надежды на государство, которое, по его мнению, обязано будет обеспечить в достаточной мере все необходимое для жизни каждому, кто только желает работать и работает. Все необходимые средства существования должны быть объявлены государством священными и неприкосновенными и не подлежать каким бы то ни было налоговым обложениям; налог, и притом налог прогрессивный, должен взиматься только с избытка, с богатства⁴¹,— вот то чудодейственное средство, которое, по мнению Венедея, устранил все социальные бедствия в Германии. Следовательно, Венедей в этих статьях выступал как ярый республиканец, который искал причины существовавшего гнета и нищеты лишь в политическом устройстве государства и видел в установлении республики путь к решению всех социальных вопросов, к устранению народной нужды.

Эти взгляды Венедей отстаивал и в дискуссии с Шустером, которая развернулась на страницах журнала «Der Geächtete» с его 4-го номера. В статье «Борьба за лучшее будущее» Венедей доказывал, что в настоящее время, когда еще надо «опрокинуть тиранию», не следует спорить по вопросу о характере тех будущих социальных мероприятий, которые должна будет осуществить Германская республика. Только после свержения тирании наступит период переустройства. «Наше же назначение,— писал Венедей,— это наступать на тиранию, на бессмыслицу, на несправие,

³⁵ «Der Geächtete», Hrsg. von J. Venedey. Bd. I. Paris, 1834, S. 99, 100.

³⁶ Ibid., S. 7—8.

³⁷ Ibid., S. 8.

³⁸ Ibid., S. 51—52.

³⁹ Ibid., S. 52—53.

⁴⁰ Ibid., S. 58.

⁴¹ Ibid., S. 58—59.

вновь и вновь на них нападать, преследовать их по пятам, распатывать их и поражать любым оружием, пока они не рухнут»⁴².

Иных позиций в пропаганде среди членов Союза придерживался Шустер, который был крайне неустойчив в своих взглядах. Отстаивая в Союзе отверженных наиболее, казалось бы, радикальную позицию, которую Ф. Меринг характеризовал даже как пролетарскую, Шустер вместе с тем являлся автором многочисленных статей в «Staatslexikon», издававшемся в умеренно-либеральном духе Роттеком и Валькером.

О политической неустойчивости Шустера и о его дальнейшей эволюции свидетельствуют как анализ его литературной деятельности, так и донесения австрийских агентов из Парижа. В январе 1837 г. агент Меттерниха в своем донесении характеризовал Шустера как крайнего республиканца, не терпящего гласности⁴³; несколько позднее в другом тайном донесении говорилось, что Шустер ведет «то демократическую, то коммунистическую, то республиканскую агитацию» и «пытается собирать рабочих и внушать им недовольство их социальным положением»⁴⁴. А спустя несколько лет Шустер отрекся от своей прошлой деятельности и стал приверженцем «мирного прогресса» в Германии, как сообщает об этом в своем донесении один из тайных агентов: «Отрадно во всех отношениях то, что люди, принадлежащие к среднему сословию и отличающиеся своими знаниями, отказались от своих эксцентрических взглядов и в большинстве своем стали открытыми противниками нового движения на социалистическом базисе. Так произошло в Париже с Венедеем, Шюллером, Савуа и даже с доктором Шустером, который в свое время основал в предместье Сент-Антуан ремесленные союзы, но с 1840 г. вместе с вышеуказанными лицами отказался от идеи создания ассоциации и стал ревностным сторонником законного прогресса в Германии»⁴⁵. Так неустойчивость и дальнейшая эволюция привели в конце концов Шустера в 1847 г. к ренегатству.

Рассмотрим, однако, носили ли расхождения между Венедеем и Шустером такой глубокий характер, что могли вызвать раскол в Союзе отверженных, как предполагают Ш. Андлер, Г. Шмидт, П. Берлин и др.

В своей дискуссии с Венедеем Шустер утверждал, что республиканское государственное устройство еще не обеспечивает интересы народа, его благосостояние⁴⁶.

Ссылаясь на пример США, Шустер писал, что в республиканской Америке, как и в монархических государствах Европы, господствуют богатство и порок, а бедность и добродетель угнетаются. В Америке, так же как и в Европе, праздные люди живут в роскоши, а трудовые массы терпят нужду и лишения. Отсюда он делает следующий вывод: «Я считаю, что тот, кто является врагом существующего строя или сторонником республиканской формы правления,— еще не патриот, ибо помимо существующего зла есть еще и такое, которое в лучшем случае так же плохо, как и существующее, если не еще хуже. И в государствах с республиканским строем, начиная с древнейших времен и кончая сегодняшним днем, мы очень мало найдем таких, в которых народные массы жили бы лучше, чем теперь»⁴⁷.

Шустер подробно останавливается на требованиях «свободы и равенства», выдвигаемых мелкобуржуазными республиканцами. Политическая свобода, пишет он, должна быть тесно связана с социальной свободой, иначе беднота будет находиться на поводу у своих повелителей-богачей. Богатство, если оно находится в отдельных руках, диктует всем свои законы и стремления⁴⁸. То же самое происходит и с понятием равенства. Несмотря на то, что формально все равны перед законом, по существу закон находится на стороне богатства и защищает интересы сильных в ущерб интересам слабых⁴⁹.

Подмечая слабые стороны в рассуждениях Венедеев, Шустер впадал в другую крайность. Если Венедеев и вообще мелкобуржуазные демократы переоценивали

⁴² Ibid., S. 148.

⁴³ K. G l o s s y. Literarische Geheimberichte..., S. 88.

⁴⁴ «Der Abend», 19.XI.1929.

⁴⁵ K. G l o s s y. Literarische Geheimberichte..., T. II, S. 275—276.

⁴⁶ «Der Geächtete», S. 205.

⁴⁷ Ibid., S. 204.

⁴⁸ «Der Geächtete», Bd. II. Paris, 1835, S. 216—217.

⁴⁹ Ibid., S. 115.

значение республики, считая ее панацеей от всех зол, то Шустер, наоборот, не придавал значения республиканской форме правления, если только она не ставила перед собой задачу ликвидации социального неравенства. Как и все социалисты-утописты, он отрицал необходимость политической борьбы, не понимая, что для пролетариата, для широких трудящихся масс далеко не безразлично, жить ли при абсолютистском режиме или при республиканском строе, обеспечивающем им более благоприятные условия для борьбы за свое социальное освобождение.

Чтобы правильно охарактеризовать социально-политические воззрения Шустера, следует полнее представить себе основные направления в социалистической мысли Франции и Англии 20-х и 30-х годов XIX в. В этих двух странах, наряду с различными течениями утопического социализма, бравшими свое начало от Сен-Симона, Фурье, Оуэна, уже с 20-х годов выступало другое направление социальной мысли, родоначальником которого был Ж. Симон де Сисмонди, хотя важнейшие теоретические положения этого нового направления еще и не приобрели у него того непосредственного социалистического характера, как у его учеников.

Как известно, Сисмонди одним из первых сумел подметить язвы капиталистического способа производства. «Сисмонди,— писал В. И. Ленин,— указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспорима заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью»⁵⁰. Однако Сисмонди не видел путей развития и разрешения этих противоречий. «С и с м о н д и,— писал К. Маркс,— глубоко чувствует, что капиталистическое производство находится в противоречии с самим собой... Он метко о т м е ч а е т противоречия буржуазного производства, но он их не п о н и м а е т и поэтому не понимает такие процессы их разрешения»⁵¹. В своей положительной программе Сисмонди предлагал человечеству стать на путь попятного движения. Он «обращается назад к устарелым формам противоречия, чтобы избавиться от него в его острой форме»⁵².

Оценивая практические требования мелкобуржуазного социализма, разработанные позднее сторонниками и последователями Сисмонди, Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен»⁵³.

Следует отметить, что в 30-е и в особенности в 40-е годы XIX в. развитие капиталистического способа производства значительно усилилось. В то время как буржуазия увеличивала свои богатства и укрепляла свое положение в обществе, условия жизни сохранившегося от средневековья мелкого бюргерства и мелких крестьян все больше ухудшались; эти группы населения были обречены на разорение и гибель. Естественно, что выступления представителей мелкобуржуазного социализма имели среди этих слоев населения наибольший успех.

Поэтому не удивительно, что в Германии, где в эти годы в еще большей мере, чем во Франции, преобладали мелкобуржуазные слои населения, где существовала обширная прослойка ремесленников, которая подвергалась разорению в результате развития капиталистического машинного производства, пропаганда взглядов мелкобуржуазного социализма должна была найти в этой среде своих глашатаев. Если с этой точки зрения проанализировать взгляды Шустера в том виде, как они развиты в его статьях, опубликованных в журнале «Der Geächtete» и вышедших затем отдельной брошюрой под названием «Мысли республиканца», не останется никаких сомнений, что он разделял как достоинства, так и пороки мелкобуржуазного социализма, у которого черпал свою аргументацию.

Весь характер критики буржуазного общества, даваемой Шустером, показывает, что он принадлежал к тем мелкобуржуазным социалистам-сисмондистам, ко-

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 158.

⁵¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. М., 1932, стр. 39—40.

⁵² Там же, стр. 202.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1948, стр. 69.

торые, как пишут Маркс и Энгельс, «становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения»⁵⁴. Особенно отчетливо можно проследить это в статьях Шустера, где он резко критикует существующий в Германии строй⁵⁵.

Шустер в своих статьях показывал, что процесс быстрого накопления богатства предпринимателей неизбежно влечет за собою увеличение нужды и эксплуатации рабочих⁵⁶, и делал вывод, что «различия между этими двумя классами, между классом всепожирающим, но ничего не производящим, и классом, все производящим, — нуждающейся беднотой, — из года в год станвятся более отчетливыми»⁵⁷.

Известное влияние оказывали на Шустера современные ему французские школы утопического социализма (Сен-Симон, Фурье); не могла не воздействовать на него и классовая борьба в тогдашней Франции. Поэтому он не мог ограничиваться только критикой существующего строя, но и намечал также планы переустройства общества, в частности выдвигал требование обобществления средств производства путем создания ассоциаций с помощью государства. «Тысячи национальных мастерских возникли бы во всех пунктах и городах Германии. Феодальное ярмо было бы наконец разбито, и принцип Союза — обобществление — стал бы евангелием освобождения городов и краюгольным камнем счастья горожан». Шустер подчеркивает, что «национальные мастерские не только выдержат (конкуренцию со стороны более сильных соперников. — А. Б.), но они поднимутся выше всех частных мастерских. Воодушевленные соревнованием, быстро прославившиеся благодаря умению своих организаторов, горячо поддерживаемые старанием всех друзей человечества и удовлетворяющие интересам всех своих клиентов, дорожащих хорошим исполнением, они засияли бы во всем блеске своего благосостояния, и их блеск распространился бы повсюду»⁵⁸.

Во избежание социальных потрясений Шустер советовал представителям имущих классов идти на уступки, на реформы. «Берите протянутую вам братскую руку народа и покажите заслуженным презрением клевету его врагов. Народ не хочет ни грабежа, ни крови, а хочет работать спокойно, получая умеренный доход. Но если вы с воинственными криками оттолкнете слова примирения, если вы ответите, как до сих пор, грубым насилием на скромные просьбы народа, тогда горе не народу (дело народа не может умереть), горе вам самим. Вы сами захотели своей гибели, и вы ее найдете. Вы не хотите ничего знать о социальной реформе? Тогда вам придется склонить голову перед социальной революцией!»⁵⁹.

В качестве девиза журнала «Der Geächtete» Шустер выдвигает боевой клич лионских ткачей: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!», который в его мелкобуржуазной интерпретации звучит следующим образом: «Благосостояние через работу или гибель в борьбе, уничтожение народной нищеты путем уменьшения излишков отдельных лиц».

Резкая критика крупного капиталистического производства, а также идея создания производственных ассоциаций, выдвигаемая Шустером, ввели в заблуждение отдельных исследователей, считавших его чуть ли не коммунистом, представителем пролетарского крыла Союза отверженных. Наиболее типична в этом отношении уже упоминавшаяся выше работа Ш. Андлера⁶⁰.

Однако тщательный анализ взглядов Шустера приводит к противоположному выводу: Шустер никогда коммунистом не являлся, а был мелкобуржуазным социалистом-утопистом. Осуждая существующий строй, Шустер, как мы уже указывали, опирался на Сисмонди, который в своей критике капиталистической системы не выходил за пределы мелкобуржуазных идей. Шустер никогда не отрекался от своего учителя, наоборот, он часто излагал взгляды Сисмонди без ссылок на него и при-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 69.

⁵⁵ «Der Geächtete», Bd. II, S. 53, 97—98.

⁵⁶ Ibid., S. 109.

⁵⁷ Ibid., S. 112.

⁵⁸ Ibid., S. 63.

⁵⁹ Ibid., S. 124.

⁶⁰ Ш. Андлер. Коммунистический манифест, стр. 67—72.

менительно к конкретным условиям Германии. Близость взглядов Шустера и Сисмонди можно подтвердить многочисленными примерами.

В своей критике капитализма Шустер, как и Сисмонди, исходит из положения и интересов мелкой буржуазии, крестьянина и самостоятельного ремесленника, владельца мастерской. О судьбе мелкой буржуазии Шустер больше всего и заботится. Процесс разорения самостоятельных ремесленников и превращения их в фабричных рабочих представляется ему злом, с которым необходимо бороться всеми силами⁶¹. Тут перед нами снова выступает мелкобуржуазный романтик, который рассматривает неизбежные противоречия капитализма как противоестественные, ошибочные отклонения от нормы. Как типичный мелкий буржуа, Шустер прибегает к морализированию, жалобам и lamentациям в надежде избежать дальнейшего обострения этих противоречий путем половинчатых реформ.

Мелкобуржуазность социальных воззрений Шустера проявляется также в его идеализации средневекового городского ремесла. «В какое время,—спрашивает Шустер,—искусство и ремесло переживали наибольший расцвет? В средние века, т. е. в период кулачного права, вражды и дикого произвола в империи». Шустер подробно описывает расцвет ремесла в средневековых вольных городах, которому способствовали, по его мнению, сравнительное равенство имущественного положения, общий гражданский дух и отсутствие роскоши⁶². «Идеализация мелкого производства показывает нам,—отмечал В. И. Ленин,—другую характерную черту романтической и народнической критики: ее *мелкобуржуазность*»⁶³.

Шустер отрицал прогрессивную роль крупного машинного производства как исторически необходимого этапа в развитии общественных производительных сил. В крупном производстве Шустер видел только источник богатства для одних, нужды и безработицы — для других. Отсюда ясно, насколько далек был Шустер от научного понимания всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма, как единственного последовательно революционного класса, способного до конца повести за собой широкие трудящиеся массы. Для Шустера, как и для большинства немецкой интеллигенции того времени, понятие «пролетарий» объединяло все трудящиеся и бедствующие слои населения. Фабрики и машины Шустер рассматривал как порождение роскоши, против которой он, подобно всем мелкобуржуазным идеологам, выступал с особым ожесточением⁶⁴, и уже из этого видно, каково было его действительное отношение к особенностям крупного производства.

Не следует, разумеется, думать, что Шустер выступал в качестве идеолога «разрушителей машин». Шустер подробно описывал бедствия, которым подвергаются трудящиеся массы в связи с введением машин, подчеркивал, что та самая машина, которая призвана стать орудием благоденствия, превращается в руках капиталистов в орудие уничтожения, в орудие пыток при помощи голода⁶⁵.

Шустер мечтал при помощи социальных реформ затормозить быстрое развитие капитализма, удержать мелкую буржуазию от прогрессирующего разорения и поставить все общество в мелкобуржуазные условия жизни. Он, как и многие французские социалисты, апеллировал к благоразумию правительства и представителей имущих классов, убеждая их идти, в их же интересах, на уступки, на реформы. «Освободите поэтому,—советует Шустер,—землю ваших крестьян, откажитесь от сословных прав, повышайте заработную плату рабочим»⁶⁶.

Как последовательный ученик Сисмонди, Шустер обращается к государству, чьей естественной обязанностью, по его мнению, является обеспечение материального благополучия всех граждан⁶⁷. Шустер, как и Сисмонди⁶⁸, не понимал классового характера государства и наивно полагал, что с помощью государства удастся

⁶¹ «Der Geächtete», Bd. II, S. 99, 106—107.

⁶² Ibid., S. 109, 110—111.

⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 199.

⁶⁴ «Der Geächtete», Bd. II, S. 107—109.

⁶⁵ Ibid., S. 105.

⁶⁶ Ibid., S. 124.

⁶⁷ Ibid., S. 66.

⁶⁸ См. Ж. С. Сисмонди. Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к населению, т. II. М., 1937, стр. 162.

затормозить развитие крупного машинного производства, регламентировать конкуренцию и таким путем сохранить мелкого ремесленника от разорения.

Столь же мелкобуржуазный характер носили и та положительная программа, те социальные реформы, которые выдвигал Шустер.

В частности, отстаиваемые Шустером производственные ассоциации отнюдь не должны были, согласно его плану, охватывать все производство в городе и деревне. Наоборот, наряду с созданием ассоциаций Шустер намечал и другие мероприятия, которые были направлены на сохранение мелкого ремесла путем предоставления ему кредита, а также путем регламентации фабричной промышленности. Так, например, Шустер требовал «предоставить каждому честному человеку, занимающемуся промыслом, кредит из государственной казны для облегчения его положения и сохранения его предприятия»⁶⁹.

В целом предлагавшиеся Шустером позитивные мероприятия были направлены к тому, чтобы, говоря словами «Манифеста Коммунистической партии», «насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности»⁷⁰.

Ш. Андлер пытается доказать наличие у Шустера коммунистических идей на том основании, что Шустер требовал создания производственных ассоциаций с помощью государства. Ш. Андлер считает, что в этом и есть отличие Шустера от Сисмонди. Действительно, Шустер более детально, чем Сисмонди, разработал вопрос об ассоциациях. Вместе с тем необходимо помнить в виду, что и Сисмонди также не был противником ассоциаций, а, наоборот, понимал необходимость объединения производителей⁷¹. Рассматривая известные уже в то время учения социалистов-утопистов Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Сисмонди писал в мае 1824 г.: «Но так как существует связь между системой, изложенной в произведениях гг. Оуэна, Томпсона, Фурье и Мюирона, и реформой, к которой, по моему мнению, мы должны стремиться, я считаю себя обязанным решительно заявить, что я согласен с ними только в одном пункте и что между нами нет ничего общего во всех других. Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней»⁷². Поэтому существенных различий между Шустером и Сисмонди в этом вопросе мы, вопреки утверждению Андлера и др., не видим, за исключением того, что Шустер изложил свой план создания ассоциации подробнее.

Таким образом, анализ взглядов Шустера показывает, что его расхождения с Венедеем не выходят за рамки противоречий между мелкобуржуазным социализмом, игнорировавшим демократические задачи борьбы, и ограниченным мелкобуржуазным демократом, считавшим республику панацеей от всех зол. Эти расхождения не были настолько глубоки, чтобы вызвать раскол в Союзе. Наоборот, после продолжительного отсутствия Венедей в начале 1836 г. вернулся в Париж, где он вместе с Шустером продолжал руководить Союзом отверженных вплоть до 1840 г., т. е. до момента образования нового общества — Союза немцев. Однако за время отсутствия Венедей в Союзе отверженных произошли известные сдвиги. Вместо господствовавших ранее мелкобуржуазно-демократических воззрений, проповедуемых Венедеем и его друзьями, в Союзе отверженных получили преобладание идеи мелкобуржуазного социализма Шустера. Венедей же стал играть лишь второстепенную роль, являясь как бы помощником Шустера, выполнявшим указания последнего, как об этом доносил в 1837 г. тайный полицейский агент из Парижа.

Следовательно, утверждение Ш. Андлера и, в известной мере, Ф. Меринга о том, что разногласия между Шустером и Венедеем явились причиной раскола Союза отверженных, находится в полном противоречии с фактическим материалом, приведенным выше. Ш. Андлер и другие исследователи, придерживающиеся той же точки зрения, не заметили, что причину раскола следует искать не в расхождениях между Шустером и Венедеем, а в более глубоких идейных разногласиях в рядах

⁶⁹ «Der Geächtete», Bd. II, S. 117—118.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 69.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 221.

⁷² Ж. С. Сисмонди. Новые начала..., т. II, стр. 175—176.

Союза — между пролетарским и полупролетарским направлением и мелкобуржуазным руководством Союза отверженных.

Дискуссия между Шустером и Венедеем оказала на развитие Союза благотворное влияние, ибо выдвинутые в ходе ее вопросы стали объектом оживленного обсуждения в низовых звеньях Союза — «палатках», где преобладали ремесленные подмастерья-полупролетарии. Хотя дискуссия и привела на первых порах к усилению руководящей роли Шустера в Союзе, эти полупролетарии не остались в плену его мелкобуржуазных идей. Живя во Франции, трудясь бок о бок с французскими рабочими, среди которых многие находились уже под влиянием бабувистских идей уравнилельного коммунизма, немецкие подмастерья также стали проникаться этими идеями. Во главе указанного направления стояли портной В. Бернгардт, эмигрант из Риги Г. Арендс и В. Вейтлинг. К их группе примыкали и некоторые интеллигенты, в частности писатель Г. Мойер. Излагая историю создания Союза справедливых, Г. Эвербек, один из виднейших деятелей Союза справедливых в Париже, писал: «В числе организаторов Союза справедливых был доктор Герман Мойер, родившийся в Рейнской Пруссии, Генрих Арендс, родившийся в Риге (Россия), и другие немцы — либо литераторы, либо рабочие. Союз справедливых состоял почти исключительно из немецких и швейцарских рабочих, а позднее к ним примкнуло некоторое количество фламандских, венгерских и скандинавских рабочих. Каждый член Союза обязан был знать немецкий язык. Популярны брошюры на этом языке писали Герман Мойер и другие. Устав требовал соблюдения самой строгой морали, но более всего она поддерживалась тем духом братства, который воодушевлял всех членов Союза. Была установлена весьма регулярная переписка между немецкими братьями, рассеянными по Франции, Швейцарии, Англии, Голландии и т. д.»⁷³. То, что организаторами Союза справедливых являлись Бернгардт, Арендс и Мойер, подтверждает также видный деятель Союза справедливых, в прошлом член Союза отверженных В. Вейтлинг. В своей книге «Гарантии гармонии и свободы» он указывает, что Бернгардт, Мойер и Арендс еще до его приезда в Париж вели среди членов Союза отверженных коммунистическую пропаганду⁷⁴.

Таким образом, мы видим, что основной причиной раскола Союза отверженных были разногласия между тяготевшими к утопическому коммунизму, преимущественно бабувистского толка, пролетарскими и полупролетарскими элементами во главе с В. Бернгардтом, Г. Арендсом, Г. Мойером, с одной стороны, и мелкобуржуазным крылом во главе с Т. Шустером и Я. Венедеем — с другой. Однако утопическо-коммунистические воззрения пролетарского направления были не единственной причиной раскола Союза отверженных.

Другой важнейшей причиной раскола были разногласия по организационным вопросам, по вопросу устава, так как иерархическая структура организации, ее заговорщическая форма находились в противоречии с практической деятельностью Союза, с его пропагандистской работой, с условиями жизни и борьбы немецких полупролетариев, входивших в значительном числе в состав организации. Многочисленные письма низовых организаций Союза к «Главному очагу» и показания арестованных членов Союза отверженных в 1840 г. на судебном процессе в Майнце красноречиво подтверждают тот факт, что по вопросу об уставе Союза существовали острые разногласия⁷⁵.

Уже указывалось, что устав Союза отверженных предусматривал беспрекословное подчинение членов Союза вышестоящему центру, которого они не избирали и совершенно не знали. Этот пункт устава, на котором основывалась вся иерархическая структура Союза отверженных, вызвал недовольство со стороны «палаток», которые стали требовать изменения всей структуры организации⁷⁶. «Главный очаг» специально обсудил этот вопрос и вынес решение о сохранении существующей структуры Союза и об оставлении в силе соответствующего пункта устава. Это решение вызвало среди членов Союза еще большее недовольство. На собраниях в «палатках» все решительнее стали раздаваться голоса о необходимости внесения изменений в

⁷³ H. Ewerbeck. L'Allemagne et les Allemands. Paris, 1851, p. 588.

⁷⁴ W. Weitling. Garantien der Harmonie und Freiheit, S. X.

⁷⁵ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 486—487.

⁷⁶ Ibid., S. 487—488.

структуру организации. На это «Главный очаг» ответил, что он скорее пойдет на потерю определенного числа членов Союза, чем пожертвует его организационными принципами⁷⁷. При этом «Главный очаг» снова подчеркнул свое незыблемое право требовать от членов Союза безоговорочного подчинения.

С этого момента и начинается практически раскол Союза отверженных, который происходил постепенно, путем отпадения от «Главного очага» отдельных низовых организаций, недовольных его линиями. Основную роль в этом расколе играли входившие в Союз немецкие полупролетарии, которые больше всего протестовали против иерархической организационной структуры Союза и его заговорщической тактики, хотя и эти элементы, как мы выше уже отмечали, далеко не полностью изжили сектантство и заговорщические традиции. Их утопическо-коммунистические воззрения, а также их пробуждающееся классовое самосознание, хотя и остававшееся еще крайне нечетким, несомненно, сыграли не последнюю роль в этом расколе. Отход от Союза отверженных ряда «палаток» начался еще в 1836 г., но Союз справедливых, как об этом свидетельствует В. Вейтлинг, окончательно оформился в 1837 г. Следовательно, временем создания Союза справедливых следует считать период с 1836 по конец 1837 г.

Естественно возникает вопрос: какова была роль Шустера в этом расколе? Известно, что Ш. Андлер, Ф. Меринг и некоторые другие историки рассматривали Шустера как инициатора раскола в Союзе отверженных и организатора Союза справедливых. Уже ранее приведенные факты и анализ воззрений Шустера в значительной мере вскрывают научную несостоятельность этой версии. Но есть еще и другие моменты, которые полностью опровергают этот ошибочный взгляд.

Известно, что дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Der Geächtete» между Венедеем и Шустером, привела к победе последнего и превращению его в действительного руководителя Союза. Если считать правильным мнение Меринга и Андлера, что Шустер возглавил отколовшуюся группу, то совершенно непонятно, почему в Союзе отверженных произошел раскол именно тогда, когда взгляды Шустера стали в нем господствующими. Для чего при этих обстоятельствах понадобилось бы Шустеру и его сторонникам выходить из Союза отверженных? Из сохранившейся документации Союза и из показаний его членов на суде видно, что Шустер оставался бессменным руководителем Союза отверженных вплоть до 1840 г., т. е. когда уже в течение трех лет существовал Союз справедливых. Обратимся к другим фактам. В 1838 г. франкфуртский «лагерь», узнав о расколе в Союзе отверженных, официально запросил «Главный очаг» в Париже о причинах раскола и о возможности вновь объединиться. На это Шустер от имени «Главного очага» ответил специальным циркуляром, в котором, между прочим, писал: «Что касается выраженного пожелания вновь объединиться с некоторыми из наших прежних членов, то мы отвечаем следующее: «Главный очаг», согласно клятвенным своим обязательствам, всегда старался сохранять единодушие в Союзе, соблюдать законный порядок и не порывал ни с кем, кто оставался верен уставу. К сожалению, то там, то здесь наблюдались случаи злоупотребления доверием и отступничества, чего трудно избежать в Союзе, значительное распространение которого не позволяет высшему органу повсеместно осуществлять контроль. Эти злоупотребления доверием и отступничество повлекли за собой, согласно уставу, исключения из Союза, что в свою очередь имело своим последствием осуществление планов мести по отношению к «Главному очагу», который с сердечной скорбью вынужден был выполнить свой печальный долг. Эти планы мести состояли в распространении клеветнических слухов и в возбуждении недовольства. Это побудило менее критически мыслящих членов, среди которых частично были люди высокой нравственности, просить «Главный очаг» освободить их от данной ими при вступлении в Союз присяги, на что «Главный очаг» счел долгом своей совести ответить согласием. Отсюда яствует, что «Главный очаг» не может делать попыток вернуть заблудших к истине»⁷⁸.

Следовательно, как это видно из приведенного циркуляра, Шустер еще в 1838 г. руководил «Главным очагом» Союза отверженных и поэтому он никак не мог в 1836—1837 гг. возглавлять отколовшуюся группу.

⁷⁷ L. F. Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen, S. 486.

⁷⁸ Ibid., S. 482, 488.

Показания арестованных в Германии членов Союза отверженных, поддерживавших раньше связь с Шустером, говорят о том, что он не пользовался популярностью у рядовых членов Союза — рабочих и ремесленных подмастерьев. Так, например, член Союза отверженных сапожник Карл Шефер, возвратившись в ноябре 1837 г. из Парижа во Франкфурт-на-Майне, сообщил членам Союза, что в Союзе возникли разногласия, что многие недовольны Шустером. «Его упрекают в том, что он стал высокомерным и не хочет больше иметь ничего общего с ремесленниками»⁷⁹. На судебном процессе в Майнце в 1842 г. обвиняемые члены Союза дали резко отрицательную оценку деятельности Шустера в Союзе отверженных.

Примерно через месяц после того как Маркс стал редактором «Rheinische Zeitung», эта газета поместила корреспонденцию из Майнца, в которой сообщалось о ходе процесса. Корреспондент газеты писал о Шустере следующее: «Он, согласно высказываниям многих свидетелей, окружил себя мистическим нимбом и вообще играл роль великого мага. Он был громовержцем, богом богов, очень редко принимал членов Союза, и если это случалось, то заставлял их ждать у себя в передней несколько часов, чтобы наконец при своем появлении соблаговолить сказать несколько слов»⁸⁰. Все это говорит о том, что, оторвавшись от рядовых членов Союза, Шустер не мог возглавить отколовшуюся группу, состоявшую главным образом из рабочих и ремесленных подмастерьев, и, таким образом, явиться одним из организаторов Союза справедливых.

Несмотря на острые разногласия и распри, которые раздирали Союз отверженных, он, несомненно, сыграл историческую роль в развертывании пропаганды демократических идей в Германии и в привлечении немецких подмастерьев к политической борьбе.

Возникновение Союза справедливых является значительной вехой на пути к высвобождению немецких рабочих из-под влияния буржуазии, первой, правда еще крайне слабой, попыткой создать самостоятельную организацию передовых немецких рабочих. Однако Союз справедливых продолжал блуждать в потемках и находиться под влиянием утопического коммунизма вплоть до 1847 г., вплоть до вступления в эту организацию Маркса и Энгельса.

Вступив в 1847 г. в Союз справедливых, основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс добились его коренной реорганизации и создания на его основе Союза коммунистов — ядра коммунистической партии. «Манифест Коммунистической партии» — программа руководимого ими Союза коммунистов — стал боевым знаменем международного пролетариата.

⁷⁹ Ibid., S. 511.

⁸⁰ «Die Rheinische Zeitung», 23.XI.1842.

